

19 АВГУСТА

Через пятнадцать или через тридцать минут после того, как автобусы, развернувшись у стен большого театра, двинулись в аэропорт, на Театральной площади появились танки. Мы об этом узнали потом. Мы танки увидели, когда почти доехали до Шереметьева. Все сразу прильнуло к окнам, и по рядам пронесся ропот.

Пролетая утром сообщение по радио, ки телевизию, многие уже знали, что происходит. Я же до сих пор пребывала в неведении, и теперь то, что говорилось кругом, казалось настолько чудовищным и неправдоподобным, что невозможно было поверить, ни испытать. И только когда улеглась последняя суматоха, все знания свои места, мой соседка рассказала все по порядку. По-прежнему ничего не понимая, я ждала, когда она закончит рассказ. Попадавшая паника, и что-то боролась внутри. А самолет поднялся в воздух. «Прощай, немилый Россия!» — крикнул кто-то. Господи! Господи — Боже мой!

[illegible]

В гостинице получили ключи, все бросили в свои комнаты и телевизором. В первый вечер я вышел на набережную, к отелю, с родины, толпою кто покинул московских улиц, прямо на меня устали дула орудий, взлетали танки. Наверное, я не вправе говорить о своих ощущениях, поскольку испытала их тысячи километров от мостовых, по которым скрементали гусеницы. Но в ту минуту я впервые по-настоящему поняла, что танк может раздавить, даже если на надежд на тебя, потому что он идет по твоему сердцу.

Люди вокруг полны сочувствия. Стараясь подбодрить, Старый киносмен, у которого я регулярно понаую газеты, всякий раз, хлопывая меня по плечу, шепчет наидику, что, когда я скажу Зиндигу «до свиданья», в Москву уже все наладится. Собою—thank you! «Бритис тейлор» — компания, входящая в число спонсоров фестиваля, а опреде-

ленные часы освобождает линию и предоставляет артистам Большого возможность бесплатно звонить в Москву. Власть для обеспечения безопасности и благополучия лиц с советскими паспортами, приехавших на Здинбургский фести- вал, принимая решение в случае необ- ходимости продлевать свои действия, не считает невозможным настаивать на воз- вращении в страну, где произошел пер- вый и идет борьба.

О фестивале я забыла. Искусство отошло на задний план и кажется неуместным. Предстоящие выступления Большого театра бессмысленны. Не все равно, как они пройдут! Не отдавая себе в том отчета, я решила, что музею лучше умолкнуть, даже если пушки выкатились за тридевять земель отсюда. Потому что их выкатили на мой земле

ЭДИНБУРГ

Я не могу полюбить Здэнбург — город, как меня и предупреждали, не обыкновенной красоты — с его знаменитым замком, между небом и землей выросшим из базальтовой скалы над всеми прочими строениями и улочками с тонкими, увенчанными кружевом гнутыми оградой частного двора. Здэнбург, с цветочными насадами, роскошном саду Принсес-стрит, где и клубы среди роз, растянувших свой аромат, живой забавливой Шотландии высится огромный чертополох. С множеством старинных зданий, темными мрачно-торжественных при ясно-голубом или блеклом свете дня и подвешенных к потолку, как картины, висящих загадочных и таинственных на черном фоне ночи. С картинами великих живописцев, скопированными мелкими в тонких полотноцах, растащут на плиты тротуера, с жонглерами, клоунами, акробатами — что его перещеголяет, — сменяющими друг друга волею Национальной галереи, с табунами скакунцев, разгуливающих прямо на улицах, с бурлящей, жужжащей, спешащей все уводит толпой.

Нет, я не испытываю раздражения или зависти, наблюдая эту радостную жизнь. Я просто не понимаю, какое отношение она может иметь ко мне. Но как выясняется, этот союз красоты и счастья и свободы обладает великой силой, и она воздействует исподволь. Правда, с обратным эффектом — я прихожу в восторг, я успокаиваюсь.

Перед отъездом из Москвы друзья говорили мне то, что, наверное, всегда говорится в подобных случаях: наберись новых, ярких впечатлений, от

дохнешь от извечных наших проблем суматошной и сложной жизни, от несчастного нашего Отечества. Но Отечество настигло и здесь.

ФЕСТИВАЛЬ

Он был в разгаре — шла вторая неделя. Мое настроение было то, что причиной или мне все-таки удалось сохранить объективность, но в фестивальной жизни, то есть в празднике, я ощущала прежде всего обыденность. Говоря, когда фестиваль закончится: «разъезжаются артисты и туристы, город приобретает совсем другой вид. Улиц пустеют. Становится тихо, и жизнь течет в несколько провинциальном ритме».

Но дело не в том, меняется город и время фестиваля или нет. Дело в привычке города к нему. В привычке раскрываться в пестром фестивальной красноте, наслаждаться искусством и даже в привычке удаляться ему. Фестиваль просто и естественно впивается в город, так же, как люди в модно-спортивной одежде органично существуют на фоне и внутри заколоченных зданий.

Я не слышал расхожих Османна,
 Не пробрал старинного аманна;
 Зачем же мне марш марширует поляна,
 Шетландии иррозавля-луна?
 И перелачика корона и арфы
 Мне чудится в зловещей тишине!
 И в туманном развесе туманов
 Дружинников мелькают при луне!
 Я получил блаженное наследство —
 Чужих певцов блудящие сны;
 Свои родство и сичное соседство
 Мне презираю в далекой долине.
 И на краю сондровича быт может,
 Минута минута, к прозвонкам уйдет,
 И снова сыпалась чужую песню сложит
 И нан свою ее произнесет.

Воспе не о чудесных, сверхъестественных
 ных свойствах поэтического дара собира-
 ясь я говорить. Слова Осипа Манд-
 делштама нужны мне для того, чтобы
 в данном случае противоречить им.
 «В этой сорде, — так же, как и наперни-
 ко, — не множится другая, в которой я
 было, но облик которых представлял
 о которых читала, — только не в наших
 не покидает ощущение, что цель не
 разрывалась. Ни одно зерно не выскоч-
 чило — ни анюки, ни правнучки. Все сте-
 лая на месте, принимала сокращаю-
 щиеся или делящиеся. И в этом —
 ли, — впрочем не то, что жизнь не
 всегда бывала безоблачной, жити-
 средя них, пользоваться ими. Беречь
 радоваться.

Тут и там ведутся ремонтные, восстановительные работы. Реставрируется великолепное здание театра «Лайсеум». Окутан чем-то полупрозрачным памятни-

Вальтеру Скотту, который тоже, видимо, готился реставрировать. Огромный многоэтажный сооружение — статуя готится то внутри — напичканная сиюминутными наверху вашию с уступами. Но вечерами же конторы высвечиваются длинными рядами электрических лампочек, так что и «одетая» она не портит вид потрескавшейся красной Принсестрит — главной эдмундуровой улицы. Городские власти заботятся о городе. Рука человека приняла отдавать тепло своим сокращениям

[illegible]

ДИРЕКТОР

— Вы себе представить не можете, сколько у нас проблем! — говорит Фрэнк Данлоп, директор фестиваля. — Возьмем ту же реставрацию. Конечно, городские власти выделяют на нее мало средств. Но великое множество старых театральных помещений нуждается не только в реставрации, но и в реконструкции, переоборудовании.

Вот, например, «ашер-холл» — ничем не сменяше, это наша гордость, очный красивый концертный зал с великолепной акустикой. Зато никакие условия для артистов. Негде поесть, дирижер вынужден делить артистическую уборную с четырьмя солистами. Разумеется, нам не очень приятно, что, приглашая людей, мы не можем обеспечить им надлежащий комфорт. Но спасибо мы им просим: ведь род позаволось от этого, пока все остается по-прежнему.

— К счастью, мне удалось добиться осуществления данной — исторической — мечты всех смеявшихся друг друга организаторов фестиваля решить вопрос о создании Липецкого театра. Примерно полгода назад я наконец убедил городские власти купить очень хорошее старинное театральное здание. В течение трех лет оно будет реконструироваться, параллельно же и в итоге мы должны по-

лучить сценическую площадку, ничуть не уступающую знаменитой сцене «Ковент-Гарден». Вот тогда мы с легким сердцем сможем приглашать к себе солидные оперные труппы — такие, как Большой театр или Кировская опера

Начало начал всей организационной работы по проведению фестиваля, как вы понимаете, — деньги. И это главная проблема. Финансовая поддержка со стороны города и государства с каждым годом становится все меньше и меньше. Половину расходов по фестивалю мы должны покрывать за счет продажи театральных билетов. Это очень много. И очень трудно,

Значительную помощь, без которой одобрение было бы невозможным, фабрикант получает от промышленных предприятий, различных фирм и банков. И в нынешнем году она была гораздо ощутимей той, которую оказал нам город.

Что касается нашего размаха, то мы как раз всегда очень хотели, чтобы фестиваль был не только западноевропейским или даже просто европейским, но и всемирным, чтобы он расширялся. Я обратился к Совету фестиваля с предложением подумать о приобретении собственного театра, который стал бы чем-то вроде нашего главного штаба.

Свой театр мог бы развязать нем руки для многих творческих начинаний. Особенно при условии, что мы набрали бы еще свою труппу. Появилась бы возможность осуществлять постановки, причем именно международные, специально для Эдинбургского фестиваля.

Но фестивальный Совет посчитал, что я слишком далеко зашел в своих амбициях. Ну, а я решил, что в таком случае лучше оставить пост директора, который я занимаю вот уже восемь лет подряд.

«Минус у г-на Данилова — напряженность. Время расписано по минутам. Дела и заботы оспаривают. Это и заседание фестиваляного Совета, на который происходит горячие обсуждения самого «большого вопроса — финансового. Зима и дебаты по поводу «Фриндж» — не основной или, скорее, полуофициальной программы театрального «раздела» Эдинбургского Фестиваля. «Фриндж» — «община», на которую выступают не столько всевозможных театров и студий, — давно уже превратился в камень преткновения в отношениях директора с Советом фестиваля».

Газеты рассказали о том, как «похитили» г-н Дампел с лордом-любовником (мэром) Эдинбурга и председателем Совета фестиваля Элинор Манлаффин. По

стоянно критикуемый за состояние дел на «фриндж», за стирание граней между театром и перформансом, он тем не менее остается показываемым на нем самым тайным, г-н Даллес в конце концов вышел на сцену и исполнил «Божницу», виртуозно сыграв десятки ролей, в том числе и в нескольких группах театральной «Божницы».

С «новинками» властв, не заботящихся о зрителе, не имеющих ни малейшей подоплеку, ни «призраков» в западных традициях, что, вернувшись на «фриндж» (он начал с него), он не смог бы выжить, он структурирует все его безграничные возможности. Но, Навалес, он не возлагает на себя ответственности за судьбу зрителей, драматургов и театральных новаторов, он не способен к созданию «новой нормы» в зрелищных «тавто» «Божниц». Эти проекты, не разработанные и не представленные, не являются ни драматургией, ни искусством, и призваны навесить мосты между искусством и «Божницей».

3 лет

Плотное расписание его фестивальной жизни и первые выставки, которыми она изобилует, не мешают директору много внимания уделять Большому театру. В этом внимании — уважение и к самой прославленной труппе, и к чувствам, испытываемым людьми, у которых неблагополучно дело. В одном из ответов в пресс-конференции, давая ответ на вопрос: «Вы бы не сказали, что г-на Диллопа нечасто можно увидеть на подобных «мероприятиях»?», А. выступая, г-н Диллоп сказал примерно следующее: «То, что состояла спектакль (по времени пресс-конференция) прошло первое представление ученика», происходило в Москве, ученика, что три года назад он находился в месте, — большое достижение Большого театра».

ПРОГРАММА

Она была столь обширна, что возникли сомнения в невозможности объять необъятное — невозможности для организаторов, а не для публики, разумеется.

Открылся 45-й Эдинбургский международный фестиваль искусств концертом Шотландского камерного оркестра под управлением Иегуду Менухина. Знаменитом «Ашер-холле». В программе также приняли участие Эдинбургский фестивальный хор и пианист Джерри Менухин, сын мастера. Звучала музыка Моцарта. Начело было положено, и корабли устремились вперед, набирая и набирая скорость.

Английский камерный оркестр, Оркестр Чешской филармонии, Королевский Шотландский оркестр, Королевский Ливпульский филармонический оркестр, Шотландская опера, Нубийский наци-